

**Ефим
ГАММЕР**
Иерусалим

Ефим Аронович Гаммер – член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» - «РЭКА», член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСРАГЕО», «Приокские зори». Член израильских и международных Союзов писателей, журналистов, художников – обладатель Гран При и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Живет в Иерусалиме. Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 23 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий? по литературе, журналистике и изобразительному искусству.

АБСУРД ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

рассказы

СЛЕПОТА

Выверните мир душой наружу, и вы увидите – он ничего не стоит.

Предназначение человека – быть слепым.

Раскройте ему глаза, и он ослепнет.

Кто нас ведет по жизни? Судьба? Но и она слепа! В вывернутом душой наружу мире ей нет места, как и человеку. Однако человек рвется в иное, неведомое по наивности пространство, и сам выворачивается наизнанку. И что? Разве больше прибавится ему света? А если и прибавится, что суждено ему увидеть, когда он слеп?

Человек не способен увидеть себя самого, не то, чтобы душу свою или душу своего мира. Он живет в двухмерном пространстве, полагая, что оно трехмерное, и – более того! – ищет, умозрительно трактуя, свое четвертое измерение.

Нет четвертого измерения.

Нет трехмерности.

Есть только плоскость.

И мы, люди планеты Земля, всего лишь – мультяшки: двумерные изображения на ватмане Создателя.

Вот ведь придумали понятия: счастье, радость, величие.

А что это такое не разобрались.

Каждый исповедует все это по-своему.

Для одного, с бумажником полным бабок в боковом кармане кожаного пиджака, счастье – это лакированный «Мерседес».

Для другого, с сердечным приступом под мышкой, – вовремя поспевший по срочному вызову амбуланс.

Для одного, обладателя неистощимого аппетита, радость – это ездить к хлебосольной теще на блины.

Для другого, аскета с хроническим гастритом, – это сидеть дома, у телевизора, за кружкой чая и сухариками.

Для одного, с амбициями в размер воздушного шара, величие – это попасть на страницы газеты.

Для другого, с припрятанным в потайном сейфе честолюбием, – сделать миллион баксов, и чтобы об этом не прознали в налоговом управлении.

Счастье, радость, величие...

С тем и живем, путаясь в ногах, как младенцы, которые только учатся ходить.

Мы всю свою историю учимся ходить. И набиваем шишки на лбу, на темечке, падая то ничком, то навзничь – в зависимости от того, как нас толкнут, либо подставят ножку.

Казалось бы, проще всего – плюнуть. Не ходить. Но, видимо, человек так устроен, что, встав с четверенек, он уже не изменяет своим двоим и прется напролом, неведомо куда, лишь бы не стоять на месте. Иначе...

Что «иначе»?

Останешься без дачи?

Нет, просто-напросто иначе всякая пузатая сволочь, шастающая мимо, начнет в тебя тыкать пальцем. «Чего стоишь?»

Мы – в рот воды, чтобы не скалить зубы.

А он? Он не уймется. И разразится, не дождавшись от тебя вразумительного ответа, на всю площадь: «Глядите, граждане люди! Вот столб! Стоит и ни в зуб ногой! Стоит и ни на шаг к горизонту – своих же, заметьте трезвым умом – достижений!»

Нам стоять возбраняется. А ходить не умеем. Вот и гибнем в напрасных хождениях по мукам, тыркаясь по лабиринту жизни, выход

из которого единственный, да и тот – смерть.

А что такое смерть для нас, двумерных фигурок? Не выход ли это в иное измерение? В информационное поле Создателя?

Выход... А дальше? И тут сквозь дрему набегает: «Слушай мою команду! Всем на выход! Построиться в две шеренги! Налево! Правое плечо вперед! Шагом марш!»

И выходим из автобуса, и строимся, и напоследок думаем:

«Мы не умеем жить «сегодня». Потому что в этом «сегодня» надо жить. Жить самостоятельно, по воле своей. Надо двигаться. Самостоятельно, по собственному выбору маршрута. Надо смотреть открытыми глазами на мир. И видеть его во всем многообразии. А мы не живем. Не хотим двигаться. И к тому же еще слепы. Вот поэтому мы, люди, и звучим гордо. Правда, неизвестно для какого уха».

ВСЯКИЙ – РАЗНЫЙ

Ищите смерть за мельницей, у речки. Каждый Всякий-Разный, кто хочет выжить, получит по зубам. Спешите видеть! До смерти четыре шага. А сколько до мельницы – еще не сосчитано.

Всякий-Разный не хотел по зубам. Смерти не искал тоже. Но «спешите видеть!» убедило. И он поволокся на мельницу, зная – смерть за ней, у речки. Думал: пересидит смерть на мельнице, заодно и зубы сбережет. Для потомства.

Зубы у Всякого-Разного были замечательные. Золотые. Лишиться их – это как с жизнью расстаться. А из двух зол выбирают... Что? Жизнь, разумеется. В итоге Всякий-Разный выбрал жизнь, хотя при посторонних сделал вид, что пошел за смертью.

Шел он, шел, считал шаги – сколько до мельницы? Не сосчитаны ведь! А он – ах, какой умный! – сосчитает. Внесет, между прочим, вклад в науку мать-матеку. Шел он, шел, каждую тысячу шагов отмечал вырванным вручную золотым зубом, дабы не ошибиться.

Не ошибся! Тридцать три тысячи шагов вышло – точь-в-точь! – если приплюсовать

зуб мудрости.

С голым ртом Всякому-Разному стало на душе чуток легче. Он как бы с жизнью уже распростился, ибо всю сознательную часть оной, до паломничества на мельницу, собирал деньги на драгоценные зубы. Теперь, без золотого запаса во рту, ему и сам черт был не страшен.

Всякий-Разный как бы с жизнью уже распростился, но с умом – нет! – ни в коем разе. Потому все и предусмотрел, размещая в чистом поле зубы. Станет назад возвращаться, соберет свое золото. И в горстях принесет домой: полюбуйтесь, соседи, что нашел, когда искал смерть. Ну, и что? А то! Заберут соседней завидки, бросятся по его следу. Но найдут не клад, а... острую косу в костлявых пальчиках. За мельницей, у речки.

Мельница была пуста, пахла мукой и сваренным в мундире солнцем. Жернова крутились сами по себе, заглушали журчание воды.

Всякий-Разный поискал глазами, куда сесть? И не усек, что козь он ищет что-то глазами тут, в такой близости от речки, то, прежде всего, найдет смерть.

Впрямь так и вышло. Всякий-Разный нашел глазами смерть. И имей для разговора зубы, спросил бы: «Почему ты здесь, когда тебе положено быть по другому адресу – за мельницей, у речки?»

Смерть, умея говорить по-человечьи, ответила бы: «Мои рекламодатели специально для тебя постарались. Скажи тебе, ищи смерть на мельнице, так ты обязательно полезешь в речку. Я, если по-честному, всегда там, где нужно. И время угадываю без ошибки, и место».

Всякий-Разный, отыскав глазами смерть, понял: от нее не уйти. И с душевной тоской подумал о потраченной даром, всего лишь на зубы жизни.

Смерть уловила его бедные по внутреннему содержанию мысли и отпустила на волю. «Иди, нагуляй жирок, прибавь жизненного опыта, поразмышляй о смысле, истине, своем предназначении, а то тебя всего на один зуб», - будто сказала вслух, хотя говорить не умела.

Осознал Всякий-Разный, что даровано ему спасение, и бух-бух широким, как обух топора, лбом о каменный пол – мозги от усердия перемешал. А, перемешав мозги, спутал на обратной ходке пути-дороги к своим золотым припасам. Тырк – туда, тырк – сюда. Где зубы? Нет зубов! Только чистое поле – от мельницы до его избы.

Что делать? Вернуться домой, и от своих ворот вновь пройти по знакомому пути?

Как скумекал, так и поступил.

Вернулся восвояси и отправился в изначальный поиск.

Ищет-ищет, год ищет, наконец, нашел. Зуб нашел, золотой, один-разъединственный на всем белом свете. Один? Почему один? Их, кабы не спутать с ресницами, должно быть по науке, по матер-матеке, ровно тридцать три штуки. Сколько же это получится в переводе на шаги? Стал загибать пальцы, морщить лоб, и сосчитал – не ошибся. Сосчитал-обрадовался и давай носом землю ковырять, выискивая в чистом поле свой клад.

Ковырял-ковырял. Изо дня в день. Из года в год. Тридцать три тысячи шагов ковырял, зубы отыскивал и по одиночке вставлял на рабоче-кусачее место. Вот ведь рот полнится-полнится. И скоро, стоит лишь вновь добраться до мельницы, во всю красу заблестит.

Наконец срок пришел – рот заблестал, как царский червонец! Только вот незадача, когда Всякий-Разный все зубы вставил и жизнь захотел прожить – не поле перейти – смерть тут как тут.

И где?

Точно по указанному адресу: за мельницей, у речки.

Здрасте вам, заходите в гости!

ГУСИНЫЕ НАДОБНОСТИ

На разудалой заре, в полусотне шагов от хлева, распотрошил себя гусь, внешне очень похожий на человека. Жить ему, как полагало двуногое животное самостоятельно, оставалось в любом случае чуть больше мгновения – час или два. Но унижительно же думать все это непродолжительное время, что добрый хозяин, который кормил его зерном из амбара и поил водой из колодца, уже точит стальное лезвие, чтобы обманно вынуть потроха и душу, если она, конечно, присутствует в лапчатом организме.

Гусь покончил с собой из-за любви к хозяину, понимая под хозяином все человечество. А что, скажите, делать после этого человечеству, не доросшему до понимания умонастроений бедного гуся? Человечество ничего и не делает. Оно не выпускает себе внутренности – ждет, когда появится мозговитый умник с заточенным ножичком.

Ну, и Бог с ним, с человечеством!

Обратимся к гусю. Все-таки преуспел и сам себе вынул душу, если, конечно, она присутствует в лапчатом организме.

Но оставим сомнения. Присутствует! И еще как присутствует! Наукой доказано, да и личными нашими наблюдениями.

Душа у гуся была. Причем, знатная, обстоятельная. А попроще сказать, человекья душа была у гуся. Наверное, лет сто назад, принадлежала его душа какому-то гражданину вселенной. Допустим... Впрочем, не допустим, ибо гусь уже умер и, значит, душа его высвободилась. И на свободе, разлучившись с птичьей оболочкой, душа его устремилась по известному в потусознании адресу. К человеку устремилась гусиная душа. И попала, разумеется, в точку. Попала в Холон, в хостель – общежитие для новых репатриантов гостиничного толка: каждому по комнатке со встроенной в нее кухонькой, и никаких излишеств, кроме личного сортира. Сунулась в одну каморку на втором этаже, затем в другую на третьем. Видит – понимает: пристроиться негде. Поднялась повыше, к седьмому небу. Вот там, на седьмом небе, в просторечье – этаже, обнаружила гусиная душа нечто подходящее моменту исканий. И скользнула в открытую форточку. Скользнула – не ошиблась пристрастием, и попала в квартирку, размером с паспортную фотокарточку. А в ней обнаружила мужичонку, живущего в полной отключке от действительности. Он примерял петушиной расцветки галстук и бормотал под нос:

- Душа – того, а танки наши быстры.

Взволнованный гусь, прослышав про душу, которая – «того», тут же сунулся под мелкие ребрышки мужичонки, и тотчас осознал: тут и кукарекать до прихода полиции, если его благодетель протянет свои отнюдь не лапчатые ноги от присутствия в теле постороннего предмета не первой необходимости.

Но благодетель выдюжил, ноги не протянул. И гусь с удовольствием расправил бы крылья, но почувствовал, что душу его выворачивает какая-то неясная сила наизнанку. Хотелось выпить, но не водицы колодезной, а чего другого, более существенного, и еще добавить.

Гусь с трудом переборол странное желание и подумал о том, что неплохо было бы обзавестись зеркальцем. Пора в конце концов посмотреть во что превратился, чтобы себя уважить и заложить за воротник да под повязанный только что галстук. Зеркальце и представилось: висит на гвозде, смутно отражает реальность. Какую? А такую! Постную физиономию, дряблые щеки, хитринку в измученных бесцветностью глазах и некоторое, дрянное, должно быть, количество прожитых лет.

- Тьфу! - сказал гусь на родном языке и тут же с удивлением осознал, что внезапно

выучился разговорному русскому. Такая взяла его оторопь от удивительного лингвистического открытия, что он, не медля, повторил вслух: - Тьфу! - и добавил кусовое: - Мать твою!

Научившись говорить по-русски, он без промедления вспомнил поговорку: «Гусь свинье не товарищ», и поспешил к оставленной на журнальном столике бутылке коричневатого цвета. Пригубил из горлышка и по-людски возрадовался: «Га-га, коньяк!»

Возрадовался, втерся в штаны, рубашку, пиджак и попер на лифте вниз, к машине, стоящей на приколе во дворе. Сел за руль, повернул ключ зажигания, врубил первую скорость и вдруг задумался: а куда, собственно, махнуть? Направо поедешь, вспомнил из сказки, мозгов не соберешь. Налево – сам к себе не воротишься. Решил: лучше прямо!

Только давить на педаль газа, как навстречу, чуть ли не у самых колес, выявился Леонардик, сосед, надо полагать, по этажу.

- Привет, фраер! Куда собрался?

- На свадьбу, - сказал гусь первое, что пришло на русском языке в голову.

- Шутишь? - Леонардик, будто и его пригласили на свадьбу, уселся рядом, чтобы поделиться возникшими по ассоциации впечатлениями о жизни. – Я три раза опаздывал на свадьбу. В первый раз на свою собственную – потому и не женат до сих пор. Во второй раз на свадьбу моей бывшей невесты, так и не ставшей моей женой. В третий раз...

- Га-га! Сегодня? - догадливо гагагнул гусь.

- А как ты это определил, фраер?

- Га-га! Интуиция! Я ведь кто? Я гусь, если подходить ко мне серьезно, но без ножика.

А вот с ножиком... С ножиком меня хотели сегодня на заре зарезать, чтобы потроха вынуть и приготовить в лучшем виде для свадебного стола.

- Ну, и даешь. В «лучшем виде» тебе не по нраву, и ты...

- Га-га! Угадал. Я сам себя распотрошил, душу самостоятельно вынул и кинулся на простор человеческих возможностей.

- А сколько ты уже попутно выпил? Га-га – ха-ха, друг мой ситный!

- Я еще ничего не выпил, за исключением коньяка.

- Тогда едем за водкой!

- А где она водится?

- Ну, и даешь! Езжай уже, а то от расширения сосудов голова распухнет.

И поехали...

- Направо! - говорит Леонардик.

Завернули.

- Налево! - говорит Леонардик.

Завернули.

- Приехали, - говорит Леонардик. Откинулся на спинке кресла. И заснул.

Гусь толкнул его в бок локтем.

- Ей-ей!

- Что? - протирая заспанные глаза, спросил полчаса спустя Леонардик. Огляделся по сторонам, зевнул: - Мы уже приехали?

- Спроси у себя. Ты мне дорогу указывал.

- Значит, приехали. Выходи и будь человеком.

«Легко сказать», - подумал гусь, захлопывая дверцу машины. Правда, раз пристало быть человеком, он, разумеется, не против, хотя гусиное свое эго не продаст ни за какие коврижки и никогда не станет есть гусиную печенку – этот деликатес, поставляемый Израилем французским гурманам. Не унизит себя, не обесславит, но за Леонардиком пойдет, куда ни укажет: не денежный он человек и не гурман. С ним, скорей, пойдешь по бабам, чем за гусиной печенкой.

За эти мысли, российского производства, спонтанные и правильные, судя по всему, гусь себя очень уважал. А если тебя уважают, то на сердце сразу становится хорошо. Сердце все-таки, как ни крути, не печенка. В случае, когда ему хорошо, то и его хозяину неплохо. Тем более что хозяин – человек с гусиной печенкой, ценности по французским меркам необыкновенной.

Гусь восходил следом за Леонардиком на второй этаж неведомого здания. Вот, полагал он, строя радужные думы, дверь в квартиру отворится и его, гуся лапчатого, приветят в человеческом обличии. Не ножичком, естественно, а улыбкой, должно быть, притягательного женского качества. С такой улыбкой да яйца высиживать – нет ничего краше на матушке-Земле! Жаль, что Леонардик первым в распахнутую дверь воткнется, улыбку примет на свой счет, и яйца тогда, почитай, женщине не гусиные высиживать.

Достали гуся эти коварные мысли до печенки. И он угнездил кулак промеж глаз Леонардика, когда тот нажимал на кнопку звонка. И внес в салон в бездыханном состоянии: якобы обнаружил страдальца на лестничной клетке и решил оказать ему первую медицинскую помощь.

- Вода из крана у вас, девушка, имеется? - обратился к русоволосой незнакомке, укладывая Леонардика на диван. - Надо бы ополоснуть товарища, а то не шевелится.

Но женщина бросилась не за водой, а к телефону. И давай названивать в полицию.

- Скорей! Скорей! Тут такое творится!

«Что тут творится? - подумал гусь. Но не додумал, переключил мозги на прекрасную незнакомку, будто он уже заодно и поэт. - А красива, шалава! Упитана! И гусиную, наверное, печенку лопают по субботам. А если лопают... если печенку... то никак не подходит на роль женушки-гусыни, чтобы по природному предназначению яйца высиживать». И полубобытствовал вслух:

- Гусиной печенкой не брезгаешь?

- Я хлебом питаюсь, - испуганно откликнулась женщина, прижимая телефонную трубку к уху. - На хлебе и воде живу! И ни о чем таком не помышляю.

- А мне показалось, что тебе и гусиная печенка любя.

- Я не Люба, я Таня. А если вы обознались, сейчас полиция приедет, проведет опознание.

- С ножичком? – спросил гусь.

- Я не знаю с чем.

- Га-га, не знает! А сама тянется к ножичку.

- Ни к какому я ножичку не тянусь, ножичек на кухне, а это телефонная трубка, - Таня потрясла пластиковой штуковиной и из нее вывалились заветные слова:

- Едем! Едем! Что стряслось?

- Убийство и рукоприкладство!

- Самолично никаких действий не принимайте!

- Я и не принимаю. Но за него не ручаюсь.

- Я за себя ручаюсь, - ответил гусь с ясным пониманием крайне опасной ситуации.

И, выживив себя снова просто залетной птичьей душой, вымахнул из поникшего разом человеческого тела и полетел-полетел куда-то туда, за облака, где еще никогда не был – навстречу небесным радостям.